

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(доктор философских наук, доцент)
Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СУЩНОСТЬ В ОБРАЗАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Часть II.

***Аннотация.** В настоящей статье-трилогии человек и его сущность представлены в образах, характерных для таких предельно противоположных друг другу исторических типов мировоззрения, как миф/религия и наука. При этом показательно, что представления о сущности и предназначении человека оказываются так или иначе преломлены через призму специфичных для каждого из указанных типов мировоззрения образов труда, также получившего своё отражённое существование в мифе/религии и науке: труд как порождение человека, его сознания и форм социальной связи – труд как непосильная ноша и наказание богов – труд как тяжкий крест во искупление первородного греха – труд как проклятие капитализма – труд как свободная игра духовных и физических сил.*

***Ключевые слова:** труд как необходимое условие воспроизводства общества, труд как сущностная определённость человека, труд как принцип понимания истории, объективная целесообразность труда, труд как социальный ритуал, ритуальный характер труда в зеркале мифа.*

T. E. Ragozina

(Doctor of philosophical sciences, associate Professor)
Donetsk national technical University
(Donetsk, Donetsk people's Republic, Russian Federation)

MAN AND HIS ESSENCE IN THE IMAGES OF HISTORICAL TYPES OF WORLDVIEW Part II.

***Abstract.** In this trilogy article, man and his essence are presented in images characteristic of such extremely opposite historical types of worldview as myth/religion and science. At the same time, it is noteworthy that the ideas about the essence and purpose of man are somehow refracted through the prism of images of work specific to each of these types of worldview, which also received their reflected existence in myth/religion and science: labor as a product of man, his consciousness and forms of social connection - labor as an unbearable burden. and the pun-*

ishment of the gods is labor as a heavy cross and the atonement of original sin – labor as the curse of capitalism – labor as a free play of spiritual and physical forces.

Keywords: *labor as a necessary condition for the reproduction of society, labor as the essential certainty of man, labor as a principle of understanding history, the objective expediency of labor, labor as a social ritual, the ritual nature of labor in the mirror of myth.*

В первой части статьи-трилогии¹ на примере анализа «Мифа о Сизифе» было показано, что миф был исторически первой формой осознания человеком себя и своей сущности. В частности, было показано, что уже мировоззрение доклассовых обществ содержит первые представления людей о роли труда как необходимого условия жизни. Закономерность данного факта объясняется весьма просто: будучи в реальной жизни объективной основой и источником возникновения в человеке всего человеческого, повторяясь изо дня в день как необходимый социальный ритуал и закон воспроизводства жизни, труд получает своё отражённое существование в художественных образах мифов и эпических повествованиях разных народов мира.

При этом не может не поражать степень реалистичности ранних представлений древних людей о самих себе, своей коллективной деятельности и своём жизненном предназначении, что, конечно же, свидетельствует о наличии у человека периода доклассовых обществ достаточно широкого круга накопленных им рациональных знаний о реальном процессе своей жизни, о мире, в котором он живёт, и о своём месте в нём. В частности, если сравнить представления о роли труда и предназначении человека, зафиксированные в «Мифе о Сизифе», с научной системой взглядов исторического материализма, на основе которой в первой части статьи нами была реконструирована картина *начала* человеческой истории, намеренно предпосланная анализу мифа о Сизифе в качестве своеобразной точки отсчёта для определения степени рациональности запечатлённых в данном сказании взглядов людей о самих себе, то приходится признать, что в рамках данного мифа многие важные черты хозяйственно-трудовой жизни древнего коллектива, в том числе – кристаллизовавшиеся в представлениях о труде как жизненном предназначении и неотвратимой судьбе Сизифа, получили весьма реалистичное и по-своему целостное отражение².

---

¹ См.: Рагозина Т.Э. Человек и его сущность в образах исторических типов мировоззрения. Часть I // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2025. – Выпуск № 2 (24). – С. 7-18 [6].

² Считаю необходимым внести некоторое уточнение, которое призвано устранить односторонность нашего собственного вывода, сделанного нами в первой части данной статьи и утверждавшего следующее: «Образ труда, созданный мифом о Сизифе, изображает труд как действие, не имеющее социальной сущности, поскольку оно совершается одним Сизифом, – в этом, бесспорно, состоит ограниченность архаических взглядов на сущность труда и самого человека» [6, с. 17]. Делаемое ныне уточнение касается как раз этой важнейшей характеристики труда – его *социальной природы и сущности* как коллективной деятельно-

Это, безусловно, является показателем формирования стихийно-материалистических взглядов древних не только на природу, но и на общественную жизнь: труд, получивший в мифе отражённое существование в качестве основы человеческого бытия, – что может быть более убедительным аргументом! Причём, факт наличия в мифе элементов здравых рациональных знаний о труде как сущности человеческих отношений неустраним никакими ссылками ни на *антропоморфный* характер мифологического сознания, обнаруживающий себя в виде наделения природных процессов и стихий человеческими качествами, благодаря чему все природные явления воспринимались как одушевлённые существа, способные вступать в отношения с людьми (например, Смерть, которую Сизиф заковал в кандалы), ни наличием в мифе наряду с наивно-материалистическими взглядами о труде как жизненном предназначении человека ранних *религиозных представлений*.

Если учесть, что сознание вообще есть не что иное, как осознанное бытие, а бытие людей есть реальный процесс их жизни, то становятся вполне понятными истоки антропоморфизма как мировоззренческой модели мироздания, присущей мифологическому сознанию: такой способ мышления был единственно возможным в период существования родовых общин (родового строя), ибо познавать себя и окружающий мир человек мог только по мере того, как он осознавал свою повседневную практическую деятельность и себя самого как субъекта этой деятельности. Иначе говоря, мир становился понятным и доступным человеку по мере того, как он практически овладевал окружающим его миром, наделяя его характеристиками своей собственной деятельности/активности. Именно это, сугубо практическое и жизненно важное знание о себе и о мире человек сохранял, передавая его от поколения к поколению посредством сказаний и преданий. Миф о Сизифе явился типичным образцом, зафиксировавшим попытки человека осознать посредством *образа труда как непосильной ноши, с необходимостью совершающегося вновь и*

сти людей, которая всё же оказалась зафиксирована средствами мифа, хотя и весьма своеобразно. В частности, это было достигнуто посредством изображения *труда* как бесконечно совершающегося *ритуального круга*, на повторение которого был обречён Сизиф. Иными словами, *социальная сущность труда (и человека)* получила своё отражение в зеркале *ритуала*: всякий архаический миф представляет собой интерпретацию, объяснение какой-либо первичной символизации, задаваемой *коллективными* обрядовыми действиями, совершающимися как некий ритуал. В связи со сказанным, напомним читателю, что труд обнаруживает свою социальную природу как раз в *ритуале*: когда его идеальная «форма целесообразности» получает собственную, отличную от его натуральной, форму бытия – форму *ритуала* как некоего коллективно совершающегося обрядового символического действия (например, охотничьего танца), имитирующего схему действий реальной охоты, совершаемой коллективом охотников. Эта ритуальная проза жизни древнего коллектива людей как раз и получила своё отражённое существование в виде судьбы-участи Сизифа совершать труд как некий ритуальный круг.

вновь изо дня в день, смысл своего существования и роль социальных связей. Это – во-первых.

Во-вторых. Что касается присутствия в мифе о Сизифе ранних форм религиозных верований в виде наличия таких персонажей, как боги *Юпитер*, *Меркурий*, *Плутон*, которым также был присущ ярко выраженный антропоморфный характер (что, кстати, лишней раз свидетельствует о *земных корнях* всякой религии), то тесное переплетение и нерасчленённость этих религиозных взглядов с наивно-материалистическим пониманием жизненного процесса говорят лишь о *синкретизме* мифологического сознания доклассовых обществ как не вполне развитой формы, в которой ещё не получили своего обособления друг от друга рациональное знание, религия, мораль, искусство, не говоря уже о том, что такие формы общественного сознания, как философия, наука, право, политика, как таковые вообще ещё не возникли.

Кроме того, синкретизм как особенность мифологического мышления и восприятия мира в сказании о Сизифе отчётливо проявился также в том, что реальность, о которой шла речь в мифе, воспринималась человеком *отнюдь не как нечто вымышленное, а как самая что ни на есть подлинная реальность*, – реальность, в которой отсутствуют чёткие разграничения между природным и социальным, чувственно-реальным и сверхъестественным. Человек, природные силы и духи, их олицетворяющие, фигурируют поэтому как элементы единого целостного мира, находящиеся в постоянном взаимодействии и переплетении.

Указанный синкретизм как одна из особенных, специфических черт мифологического сознания доклассовых обществ придаёт мифу о Сизифе колорит и неизъяснимую прелесть, не устранив при этом и не затмевая собой главного – стихийно-материалистического, рационального взгляда на истинную суть мира человеческой жизни. При этом не менее характерно то, что здесь пока ещё нет не только выраженной тенденции, но даже и малейшего намёка на идеологически мотивированное доминирование религии над рациональным знанием, не говоря уже о её превращении в силу, господствующую над человеком и парализующую его сущностные силы. Не то в раннеклассовых обществах.

***

Переход от доклассового общества к раннеклассовому стал одним из наиболее значимых этапов в истории человечества. Будучи обусловлен глубокими экономическими изменениями, связанными с развитием производящего хозяйства – земледелия, этот переход повсюду сопровождался усложнением социальной структуры и возникновением ранних форм классового общества с присущими ему отношениями господства и рабства, что ускорило становление государства как инструмента власти господствующего класса землевладельцев/рабовладельцев. Эти глубокие социальные изменения оказали непосредственное влияние также и на содержание всех

форм общественного сознания, отразившись, как в зеркале, в новых системах коллективных религиозных представлений людей о себе, своей сущности и своём месте в мире. Попытки *философии стать путём спасения* посредством достижения *истинного знания о мире* и таким образом найти выход из состояния всеобщего упадка, в котором находился греко-римский мир, не увенчались успехом, поскольку причины глубокого кризиса заключались отнюдь не в самом по себе недостатке знаний о мире.

После упадка Римской республики и установления императорской власти мир античности утратил прежнюю стабильность и рациональную упорядоченность: «...Римская республика мало-помалу изменяясь, - свидетельствует в своём знаменитом трактате «О граде Божием» А. Августин, - из прекраснейшей и наилучшей стала самой развращённой и распущенной <...> нравы предков ухудшались не постепенно, как прежде, а были сокрушены как бы какой-то лавиной: молодёжь развратилась... роскошью и корыстолюбием» [1, с. 76]. Полис как форма политического и духовного самоопределения исчез, а человек оказался один на один с гигантской бюрократической государственной машиной и полной неопределённостью своей судьбы. В этих условиях как никогда возрастает потребность поиска путей к спасению.

Принципиально по-новому в этот период предстаёт и вопрос о сущности человека и его месте в мире: он оказывается в центре внимания библейского сюжета об изгнании из рая, описывающего историю *грехопадения человека*. Чтобы суметь беспристрастно и полно увидеть тот образ человека, который оказался запечатлён в данном религиозном мифе и который зафиксировал определённое понимание человеком своей собственной сущности и своего жизненного предназначения, обратим внимание на некоторые важные моменты, на которые в том числе указывает и Эрих Фромм в своей работе «Психоанализ и религия».

Анализируя характерные особенности различных религий, Э. Фромм проводит фундаментальное различие *авторитарных* и *гуманистических* религий на основе критерия, с которым трудно не согласиться: «Вопрос не в том, *религия или её отсутствие*, но в том, *какого рода религия*: или это религия, способствующая человеческому развитию, раскрытию собственно человеческих сил, или религия, которая эти силы парализует» (курсив наш – Т. Р.) [7, с. 161]. Задаваясь вопросом, что такое авторитарная религия, Э. Фромм апеллирует к «Оксфордскому словарю», который, согласно оценке Фромма, «...пытаясь определить религию вообще, скорее даёт точное определение авторитарной религии: «[Религия есть] признание человеком некой высшей невидимой силы, управляющей его судьбой и требующей послушания, почитания и поклонения»» [7, с. 166].

Как видно из приведённого текста, авторитарной религию делает не сама по себе идея признания существования высшей силы, стоящей над человеком, а та «...идея, что эта сила, господствуя, *уполномочена* требовать «послушания, почита-

ния и поклонения». Я выделяю слово «уполномочена», - говорит Э. Фромм, - поскольку оно указывает, что причиной для поклонения, послушания и почитания служат не моральные качества божества, не любовь или справедливость, но тот факт, что *оно господствует, то есть обладает властью над человеком*. Более того, это слово подразумевает, что высшая сила *вправе заставить человека поклоняться ей, а отказ от почитания и послушания означает совершение греха*. <...> Существенным элементом авторитарной религии ... является полная капитуляция перед силой, находящейся за пределами человека. *Главная добродетель этого типа религии – послушание, худший грех – непослушание*» (курсив наш – Т.Р.) [7, с. 166-167]. Иными словами, поскольку в авторитарной религии бог есть символ власти и силы, поскольку он властвует и обладает верховной властью, а человек, напротив, совершенно бессилен, постольку «в акте капитуляции перед высшей силой человек теряет независимость и цельность как индивид» [7, с. 67].

«Гуманистическая религия, напротив, избирает центром человека и его силы. Человек должен развить свой разум, чтобы понять себя, своё отношение к другим и своё место во Вселенной. Он должен постигнуть истину... <...> Цель человека в гуманистической религии – достижение величайшей силы, а не величайшего бессилия; *добродетель – в самореализации, а не в послушании*. *Вера – в достоверности убеждения, она основана на опыте мысли и чувства, а не на том, чтобы бездумно принимать чужие суждения*. *Преобладающее настроение – радость, а не страдание и вина, как в авторитарной религии*» (курсив наш – Т. Рагозина) [7, с. 168]. Вряд ли кто станет оспаривать эти характеристики и оценки, данные Э. Фроммом.

Если теперь обратиться к библейскому мифу об изгнании из рая, описывающему историю *грехопадения человека*, и взглянуть на него с позиции этого фундаментального различия, то придётся согласиться с Э. Фроммом по части того, что элементы авторитарной и гуманистической религии можно найти также и внутри одной и той же религии, примером чему является наша собственная религиозная традиция. «Начало Ветхого завета, - пишет Э. Фромм, - написано в духе *авторитарной религии*. Бог изображается как абсолютный глава патриархального клана, он создал человека по своему желанию и может уничтожить его по своей воле. *Он запретил ему вкушать с древа познания добра и зла, пригрозив смертью за нарушение запрета*. Но змей, «хитрее всех зверей полевых», говорит Еве: «Нет, не умрёте, но знает бог, что *в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло*» (Быт. 3:4-5). Своими действиями бог доказывает правоту змея. Когда Адам и Ева совершают грех, *он наказывает их* <...> бог изгоняет Адама и Еву из Эдема и ставит на востоке у сада ангела с пламенным мечом, «чтобы охранять путь к дереву жизни»» [7, с. 171-172].

Комментарий, который чуть ниже даёт Фромм этому библейскому сюжету, включает разные аспекты, с содержанием которых, на первый взгляд, можно согласиться полностью. Однако, это только на первый взгляд, ибо при ближайшем рассмотрении итоговые выводы и оценки, приводимые в комментарии, вызывают серьёзные возражения и нуждаются в дополнительном пояснении: «Из текста вполне ясно, - пишет Фромм, - в чём грех человека: это восстание против повеления бога, это непослушание, а не какая-то греховность, заключённая во вкушении с древа познания. <...> Из текста ясен и мотив бога: это забота о своём собственном превосходстве, ревнивая боязнь человеческого притязания на равенство» (курсив наш – Т.Р.) [7, с. 172].

Во-первых: серьёзное возражение вызывает утверждение, что грех человека – это какое-то абстрактное восстание против повеления бога, какое-то абстрактное непослушание как таковое, никак не связанное, мол, с актом вкушения плода с древа познания добра и зла. *Во-вторых:* схожее возражение вызывает и аналогичная трактовка мотива бога, который Фромм опять-таки сводит к заботе бога о каком-то абстрактном превосходстве и столь же абстрактной боязни абстрактного (ничем конкретно не вызванного) притязания человека на равенство. Так ли это на самом деле? Действительно ли богом движут мёлочные причины чисто личностно-психологического порядка в виде простой гордыни, тщеславия и превосходства?

В том-то всё и дело, что драма/трагедия исторического процесса в эпоху классовых обществ всё же оказывается принципиально иной, чем в «Мифе о Сизифе». Поэтому тысячу раз прав Альбер Камю, провозгласивший: «Трагедия начинается вместе с познанием!» [8]. Но если трагедия познания для Сизифа оборачивается осознанием объективной необходимости труда быть вечно повторяющимся социальным ритуалом жизни – объективной необходимостью, являющейся условием продления жизни и преодоления смерти и, стало быть, условием «превращения судьбы в дело рук человека» [8], то для эпохи раннеклассовых обществ драма/трагедия истории помимо этого оказывается уже напрямую сопряжена также и с необходимостью познания природы добра и зла, точнее – познания источников и причин, порождающих меж людьми отношения господства и подчинения/рабства.

Познание добра и зла становится новым условием, которое абсолютно необходимо исполнить человеку для того, чтобы, познав источник зла, найти правильный путь борьбы, который позволит победить, искоренить и преодолеть зло! Это абсолютно необходимо для того, чтобы человек мог оставаться человеком, превращая свою судьбу в дело рук человека – дело, которое должно решаться среди людей. Но было ли это допустимо в эпоху существования господства и рабства, в эпоху Римской империи?

Конечно же нет. И потому-то знание правды земной жизни, знание причин земного господства и земного рабского подчинения – эту самую главную опасность

для всякого *господина всех времён* как раз и призван был устранить на все последующие времена библейский миф об изгнании из рая, предотвратив её своими индиксательными наставлениями, запретами и страхом наказания. Нет нужды перечислять все тяготы и изощрённые наказания, которые провозглашает Господь Бог человеку. Достаточно указать лишь следующее: «...за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него», проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей; <...> В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» [3, Быт. 3:17, 19].

Если же смотреть на историю грехопадения человека и его изгнания из рая исключительно сквозь призму психоанализа, как это делает Фромм, то совершенно необъяснимым выглядит многое. В частности, в приведённом фрагменте поражает не столько совершенно явный авторитарный характер деяний Бога, сколько *несоразмерность* его гнева содеянному человеком послушанию и совершенно *бесчеловечно-уничижительное отношение* Бога к человеку, безжалостно выносящего свой приговор: «...ибо прах ты и в прах возвратишься». – Вот он, образ человека, увиденный *глазами господина*, который будет внушаться человеку библией во все последующие века.

При этом также поражает не менее бесчеловечный *образ труда*, в котором человек и его порабощённая сущность получают новое, весьма реалистичное освещение: удел человека – это труд как *наказание и искупление вины за первородный грех*, труд как *скорбь и вечное страдание*, труд как *рабская покорность и смирение*, труд *в поте лица* как *тяжёлый крест*, который человек обречён безропотно нести до самой своей смерти. – Вот жизненное предназначение и судьба человека, к которой он приговорён Господом Богом и которая, как видим, уже отнюдь не является «делом рук человека» (как в мифе о Сизифе), ибо решается не самим человеком, а тем, *кто господствует* над ним. И уж совсем зловеще выгладит образ *ангела* – «херувима с пламенным мечом обращающимся», чья миссия – «охранять путь к *дереву жизни*» от человека.

Понятно, что перед нами – образ человека и его сущности, увиденный *глазами господина* и продиктованный *имушественными интересами господина*. Это свидетельствует о том, что причина гнева и мотив бесчеловечного отношения Бога к человеку лежат совсем в иной плоскости, нежели простые психологические качества личности Бога. Дело в том, что данный сюжет мифа, пусть и в религиозной оболочке, но воспроизводит типичную модель земного, презрительно-уничижительного отношения *господина* к *рабу*. Иными словами, причина гнева Бога и мотив его несоразмерно жестокого наказания человека совершенно явно имеют социально-классовую подоплёку, коренящуюся в существующих отношениях неравенства, отношениях господства и подчинения, характерных для раннеклассо-

вых обществ. Такова *земная основа* всех библейских текстов иудео-христианской традиции. Поэтому-то, согласно библейской истории грехопадения человека, всякий *познавший источник зла* представляет жизненную угрозу и опасность для господина: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простёр он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно»³ [3, Быт. 3:22].

Как видим, именно вкушение от дерева познания добра и зла, дающее знание об источнике существующего зла, указывает человеку правильный путь борьбы со злом (создаёт возможность простирать руки к дереву жизни, возможность «брать» и «вкушать» от дерева жизни, получая жизненные блага). Иначе говоря, опасность *утраты господства как права обладания «деревом жизни» – обладания жизненными благами*, а вовсе не боязнь абстрактного притязания человека на абстрактное равенство, составляют подлинный мотив Бога. Именно эту правду земной жизни как главную тайну и величайшую ценность библейский миф о грехопадении предписывает хранить тем, *кто господствует*, от тех, *над кем господствуют*; оберегать и охранять эту тайну от попыток человека *познать истину* – в *этом* священная задача херувима-охранника с вращающимся огненным мечом; – в *этом* вся суть запрета вкушения плодов с дерева познания добра и зла⁴.

Осознание абсолютной недопустимости подобного хода развития событий заповедуется как *предостережение* и *наказ* (!) потомкам, выступая лейтмотивом данного мифа, вполне откровенно и цинично отражающего, освящающего и благословляющего *бесчеловечные отношения господства и рабства*. – Вот что опускает в своём психоанализе Эрих Фромм, существенно обедняя при этом не только трактовку авторитарности как свойства личности Бога (поскольку не вскрывается её действительный мотив и непонятно её происхождение), но и давая неверную интерпретацию сути совершённого человеком греха как абстрактного неповиновения Богу.

---

³ Фромм приводит этот фрагмент, но трактует его опять-таки исключительно через призму психоанализа.

⁴ К слову сказать, сегодняшний день – не исключение: *внесение социалистического сознания в массы*, позволяющее народным массам познать источник зла и потому указующее им путь борьбы со злом, и сегодня рассматривается современными господствующими классами как самый тяжкий грех (грех познания источника капиталистического зла), который правящие элиты стараются не допустить всеми доступными им средствами: ложь, клевета, искажение истории, запрет на объективный научный анализ существующих общественных отношений, культивирование вульгарных наук, манипуляции общественным сознанием с помощью разного рода политтехнологий, наконец – тотальный контроль, политические преследования и репрессии. Вот почему Церковь сегодня, как и во времена упадка Римской империи, будучи мощным организационным ресурсом государства, по-прежнему выполняет политико-идеологическую функцию, а не только функцию *утешения* народа.

В связи с этим вызывает удивление то обстоятельство, что Э. Фромм (вслед за Ф. Энгельсом) хотя вскользь и упоминает о связи содержания религии с действительной жизнью, хотя и говорит, что «...анализ религии не должен ограничиваться теми психологическими процессами, на которых основан религиозный опыт»; хотя и говорит о том, что «следует также найти условия, при которых развиваются авторитарные и гуманистические структуры, порождающие соответствующие виды религиозного опыта...» [7, с. 177] и что история религии полностью подтверждает существование этой корреляции между социальной структурой и видами религиозного опыта, тем не менее сам Фромм этот принцип исследования не использует, специально оговаривая, что «...такой социопсихологический анализ вышел бы далеко за пределы наших задач» [7, с. 177]. Однако, ставка исключительно на средства психоанализа, сознательно оставляющая за скобками глубоко *противоречивый социально-классовый характер* исторических условий эпохи, существенно обедняет его результаты, ибо такое исследование застревает на чисто вторичных (психологических) характеристиках, не вскрывая их действительные причины, породившие происхождение данной притчи.

Между тем, именно правда земной жизни, идеологически преломлённая сквозь призму классового интереса, как раз и предстаёт в религиозном одеянии библейского мифа как *непререкаемый запрет на познание источника добра и зла*; запрет, простирающийся на все времена вплоть до скончания века и потому обретший форму *завещания* – священного *Завета*. Причём, эта правда земной жизни, составляющая самую сокровеннейшую суть иудейского *Ветхого Завета*, негласно продолжает присутствовать также и в *Новом Завете*, несмотря на всю его восторженную проповедь любви человека к человеку и к Богу.

Не случайно отцы христианской церкви (выступившие наряду с юристами главными идеологами, освящающими власть императора, власть государства периода Римской империи, уже вступившей в тяжелейший кризис), на протяжении нескольких столетий занимавшиеся отбором и селекцией боговдохновенных и апокрифических текстов, их систематизацией и приданием им формы христианской доктрины, не просто оставляют этот миф (вместе со всем Ветхим Заветом) в составе корпуса Библии как главной книги христиан, но и делают его своего рода *фундаментом* всей Библии.

Период патристики просто изобилует огромным количеством свидетельств на сей счёт. В частности, это показывает М. Барг на примере анализа концепции А. Августина: «Следует подчеркнуть, что «отцы церкви» не только призывали мириться с существованием этого института [рабства], но даже считали его необходимым по законам человеческим и полезным и «терпимым» по законам божеским. Лучше служить чужому господину, чем собственным желаниям. Христианское

смирение требует от раба нести свой крест охотно и служить преданно, утешаясь тем, что в потусторонней жизни всякому служению наступит конец» [2, с. 82].

Согласно христианскому вероучению, причина бедственного положения рода человеческого, погрязшего в войнах и распрях, в целом усматривается отнюдь не в пороках рабовладельческого Рима с его бездушной государственной машиной. *Греховность человека* – вот единственный источник всеобщей порчи, распространившейся в мире! Таков вывод, который уже на исходе 4-го века н.э. делает выдающийся представитель латинской патристики Августин в своём «Граде Божиим», вина за грехи человека его *свободную волю*⁵, т. е. в конечном счёте начало моральное, духовное: «Бог ... создал человека правым; но добровольно испорченный и праведно осуждённый, - вещает Августин, - человек произвёл испорченное и осуждённое потомство» [1, с. 570]; именно поэтому «...как известно христианам, - продолжает Августин, - ...даже сама телесная смерть наложена на нас не законом природы, ... но в наказание за грех»; и Августин вновь слово в слово повторяет проклятие Ветхого Завета: «Потому что Бог, наказывая за грех, сказал человеку: «Прах ты, и в прах возвратишься»» [1, с. 571-572]. Это и означает, что догмат о греховной природе человека, лежит в фундаменте всего христианства; это в итоге означает, что христианство отказалось от одной из ведущих греко-римских идей – оптимистической оценки человеческой природы.

Данное обстоятельство отнюдь не означает, что христианство лишено гуманистических элементов и мотивов. «Раннее христианство было гуманистическим, а не авторитарным учением, что очевидно из духа и буквы всех высказываний Иисуса <...> Однако, - отмечает Фромм, - всего через несколько сот лет после того, как христианство из религии бедных и скромных земледельцев, ремесленников и рабов (*Am haarez*) превратилось в религию правителей Римской империи, доминировать стала авторитарная тенденция» [7, с. 175].

Как бы то ни было, но *оба принципа* – и гуманистический, и авторитарный, будучи отражением антагонистических интересов противоборствующих классов римского общества, сосуществуют уже на этапе становления христианства. Причём, начиная с этого периода и вплоть до наших дней в христианской традиции (как на доктринальном уровне, так и на уровне церковной практики) они оказыва-

---

⁵ Свобода воли является божьим даром и, следовательно, благом, зло же проистекает не из нее самой, а из ее употребления. – Если человек не вправе сам решать, как ему употребить свою волю, то, стало быть, он – существо, лишённое воли, а вовсе не наделённое волей! Отречение от своей собственной воли и угадывание воли Господа (а в мирской жизни – воли господина) – вот его подлинное предназначение, с точки зрения христианства! Поскольку все добродетели сведены в христианстве к единой, высшей любви к богу, постольку все они уничтожены в человеке, проявившем гордыню – употребившем свою волю. Без помощи всевышнего человек – прах – таков главный вывод христианской доктрины. – Спрашивается: а где же подлинная любовь к человеку?

ются представлены отнюдь *не равноправно*: авторитарный принцип явно доминирует над гуманистическим. Это лишний раз подтверждает справедливость положения марксизма о том, что *мысли господствующего класса являются господствующими мыслями*.

Повторим: христианство, особенно раннее, отнюдь не лишено гуманистических элементов и мотивов. Бессилие угнетённых масс Палестины в борьбе против бедности, угнетения и эксплуатации рождало веру в Мессию, который придёт и решит все проблемы бедных людей. Но, как справедливо отмечал в своей работе «Раннее христианство» (1908) К. Каутский⁶, каждый класс представлял себе Мессию по своим предпочтениям. Если в глазах палестинского и других завоёванных Римом народов, населявших восточные провинции Римской империи, Мессия – это спаситель народов от безысходного гнёта римского государства, императорской власти, то совсем другое дело – Мессия в глазах идеологов государства, в глазах теологов-апологетов безграничной власти императора. Да и между самими теологами, представлявшими разные секты, как указывает автор, шла нешуточная борьба за образ Христа: «В действительности же при спорах различных христианских сект из-за различного значения слов Христа друг с другом боролись обыкновенно очень реальные интересы. <...> каждый из этих теологов вкладывает в образ Христа свои идеалы, свое собственное воззрение» [5, с. 50-51].

Словом, представления о самих себе, своём предназначении и месте в жизни простых членов ранних христианских общин и представления о том, что предписано человеку, с точки зрения идеологов императорской власти с самого начала не только не совпадали, но являлись диаметрально противоположными. Указанный дуализм потому-то и требовал определённого догматического обоснования, которое отцы христианской церкви искали и нашли как раз в догме об *испорченной природе человека* – то есть, всё в том же библейском мифе о первородном грехе, который становится краеугольным камнем, на котором зиждется здание всего последующего оправдания христианством господства и угнетения: господства одних и рабского послушания/смирения других.

Указанный *классово-авторитарный дух* стал атрибутом христианского верования не только благодаря усердию отцов церкви, но также и благодаря активной деятельности самих императорских особ, которые открыто приложили руку к формированию христианства в нужном им стиле. Уже начало превращения христианства в господствующую религию не может не поражать своим откровенно политическим цинизмом. В своё время в связи с упрощёнными трактовками сущности религии Ф. Энгельс в работе «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» подчёр-

---

⁶ В своей работе автор отмечает, что христианство появилось в период тяжелейшего кризиса Римской империи, который привёл к разрушению существовавших длительное время форм производства, основ государства, верований и принципов жизни верхушки империи и низших слоёв общества.

кивал, что недостаточно смотреть на религию как на превратное сознание превратного мира – как на простой обман; что «... необходимо прежде суметь объяснить её происхождение и её развитие, исходя из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства. В особенности это относится к христианству. Ведь здесь надо решить вопрос, как это случилось, что народные массы Римской империи предпочли всем другим религиям эту бессмыслицу, проповедуемую к тому же рабами и угнетёнными, так что, наконец, *честолюбивый Константин увидел в принятии этой бессмысленной религии лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира*» (курсив наш – Т. Рагозина) [9, с. 307]. – Вот в какой плоскости на самом деле лежит разгадка авторитарного стиля мышления христианства, обретшего статус государственной религии Римской империи: в плоскости стихии социальных сил. Поэтому опять-таки прав Ф. Энгельс в том отношении, что «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в которых земные силы принимают форму неземных» [8, с. 110].

Кстати, идеологический потенциал и организационный ресурс новой массовой религии увидел и взял на вооружение не только Константин: «...уже Август, - не без иронии сообщает Ф. Энгельс, - позаботился о том, чтобы не только богочеловек, но и так называемое непорочное зачатие стали *предписанными государством формулами*. Он не только требовал оказания Цезарю и самому себе божеских почестей, но разрешил также распространять слухи, что он, Август Цезарь *divus*, божественный, не является сыном своего отца – человека, а зачат матерью от бога Аполлона»⁷ [9, с. 308].

Последнее обстоятельство как нельзя более кстати делает правомерной оценку Ф. Энгельса, которую он даёт на основе множества документально зафиксированных и подтверждённых фактов: «Вполне понятно, что если стихийно возникшие религии ...возникают без участия обмана, то <...> искусственные религии, при всей характерной для них искренней восторженности, уже при своём основании не могут обойтись без обмана и искажения истории; также и христианство уже с самого начала имело весьма недурные достижения этого рода, как показал Бауэр в критике Нового завета» [9, с. 306]. Поэтому и финальный итог всех изысканий, осуществлённых философом и богословом Бруно Бауэром в области евангельских текстов, Энгельс сформулировал следующим образом: «...из всего содержания

---

⁷ «Как мы видим, - говорит Энгельс, - не хватает ещё только последнего камня, и все христианство в его основных чертах было бы готово; не хватает воплощения ставшего человеком логоса в определённой личности и его искупительной жертвы на кресте во спасение грешного человечества» [9, с. 308].

евангелий не осталось почти абсолютно ничего, что могло бы быть доказано как исторически достоверное...» (9, с. 307).

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что авторитарный дух получил свою прописку в христианстве не случайно, а абсолютно закономерно, став отражением реального классово-антагонистического положения вещей в тогдашнем римском обществе; императорская власть в лице Константина и христианская церковь, выступив единым фронтом, образовали союз церкви и государства. Эту закономерную тенденцию в XX столетии Э. Фромм подытоживает следующим образом: «Трагедия всех великих религий заключается в том, что они нарушают и извращают принципы свободы, как только становятся массовыми организациями, управляемыми религиозной бюрократией» [7, с. 199].

***

С момента утверждения христианства пройдет не одно столетие, прежде чем человек, устав от вины за первородный грех, поймёт, что для того, чтобы он мог объяснить себе смысл своего жизненного предназначения, он должен идти наперекор *неправедному запрету* познания добра и зла. И если ради жизни необходимо познать добро и зло, вкусив от древа познания, то это надо делать даже под страхом «быть изгнанным из рая», ибо только этот путь способен дать ответ: *что́* должен делать человек, чтобы преодолеть *зло*⁸.

Библиографический список:

1. Августин Блаженный. О граде Божиим / Блаженный Августин. – СПб.: Изд-во «Алетейя»; К.: УЦИМ-Пресс, 1998. – С. 594.
2. Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. А. Барг. – М.: «мысль», 1987. – 348 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / канонические в русском переводе. – К.: Украинское Библейское общество, 1996.
4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – Мыслители XX века). – С. 23-101.
5. Каутский К. Происхождение христианства / К. Каутский; пер. с нем. Д. Рязанова – М.: Политиздат, 1990. – 463 с. (Б-ка атеист. лит.)
6. Рагозина Т.Э. Человек и его сущность в образах исторических типов мировоззрения. Часть I // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2025. – Выпуск № 2 (24). – С. 7-18.
7. Фромм Э. Психоанализ и религия / Эрих Фромм // Сумерки богов / Сост. и ред. А.А. Яковлев. – М.: «Политиздат», 1990. – С. 143-221.

⁸ Третью, завершающую часть нашей статьи-трилогии «Человек и его сущность в образах исторических типов мировоззрения» читатель сможет найти в следующем номере журнала «Культура и цивилизация (Донецк)».

8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1961. – Т. 20. – С. 5-338.
9. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство / Ф. Энгельс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1961. – Т. 19. – С. 306-314.

R e f e r e n c e s :

1. Avgustin Blazhenny`j. O grade Bozhiem / Blazhenny`j Avgustin. – SPb.: Izd-vo «Aletejya»; K.: UCIM-Press, 1998. – S. 594.
2. Barg M. A. E`poxi i idei: Stanovlenie istorizma / M. A. Barg. – M.: «my`sl'», 1987. – 348 s.
3. Bibliya. Knigi Svyashhennogo Pisaniya Vetxogo i Novogo Zaveta / kanoniche-skie v russkom perevode. – K.: Ukrainское Biblejskoe obshhestvo, 1996.
4. Kamyu A. Mif o Sizife. E`sse ob absurde / A. Kamyu. Buntuyushhij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo: Per. s fr. – M.: Politizdat, 1990. – My`sliteli XX veka). – S. 23-101.
5. Kautskij K. Proisxozhdenie xristianstva / K. Kautskij; per. s nem. D. Ryazanova – M.: Politizdat, 1990. – 463 s. (B-ka ateist. lit.)
6. Ragoza T.E`. Chelovek i ego sushhnost` v obrazax istoricheskix tipov mi-rovozzreniya. Chast` I // Kul`tura i civilizaciya (Doneczk). – Doneczk, 2025. – Vy`pusk № 2 (24). – S. 7-18.
7. Fromm E`. Psixoanaliz i religiya / E`rix Fromm // Sumerki bogov / Sost. i red. A.A. Yakovlev. – M.: «Politizdat», 1990. – S. 143-221.
8. E`ngel`s F. Anti-Dyuring / F. E`ngel`s // Soch. / K. Marks, F. E`ngel`s. – Izd. 2-e. – M., 1961. – Т. 20. – S. 5-338.
9. E`ngel`s F. Bruno Baue`r i pervonachal`noe xristianstvo / F. E`ngel`s // Soch. / K. Marks, F. E`ngel`s. – Izd. 2-e. – M., 1961. – Т. 19. – S. 306-314.